

Глава 9. Прошлое

Чжао-гэр и сам растерялся. Фан Цзычэнь, нахмурившись, разглядывал пятно грязи, оставшееся на его груди после удара, и, казалось, о чём-то размышлял с недовольным видом.

Сердце Чжао-гэра тревожно забилося. Он уже собирался извиниться, но Фан Цзычэнь снова повёл себя непредсказуемо.

— Когда ты далеко, то бросаешься в меня камнями. А если бы я стоял прямо перед тобой, ты бы, наверное, просто дал мне пощёчину?

Юноша с облегчением выдохнул.

— Это был не камень.

От камня можно и умереть.

— Ещё и споришь, — Фан Цзычэнь смахнул грязь с одежды. — Разве у вас не говорят, что муж превыше небес? Как ты посмел бросить в меня что-то! Совсем беззаконие.

Казалось, бросив в него комок земли, Чжао-гэр обрёл некоторую смелость. Видя, что собеседник не сердится, он указал на виновника переполоха — крепкий ком земли, который даже не развалился после падения.

— Это он тебя ударил, а не я.

— О-хо-хо! — Фан Цзычэнь не ожидал такого от прежде послушного и робкого паренька.

Словно хулиган, встретивший красавицу, он обошёл его кругом, несколько раз смерив оценивающим взглядом с головы до ног. Чжао-гэр напрягся, его пальцы так сильно сжали рукоять мотыги, что костяшки побелели.

Когда тот был уже на грани, Фан Цзычэнь наконец заговорил:

— С таким-то умением всё отрицать, тебе впору зваться Лай-гэр, а не Чжао-гэр.

— Кто заставлял тебя говорить всякие непристойности, — тихо пробормотал юноша.

Фан Цзычэнь стоял близко и расслышал.

— Где это я говорил непристойности?

— Ты сказал... ты сказал... — Чжао-гэр не мог заставить себя повторить это. Ему было слишком стыдно.

«То "птичка", то "член" — разве это не непристойности? Ещё и окольными путями назвал меня извращенцем. А теперь отнекивается»

— Вот видишь, ты и сам сказать не можешь, — подытожил Фан Цзычэнь. — Если в следующий раз посмеешь бросить в меня камень...

— Это был не камень.

— Да какая разница! Если ещё раз посмеешь бросить в меня что-нибудь, я тебя ударю, — пригрозил мужчина, пытаясь сохранить лицо. — Ты же видел, как я избил Ма Дачжуана и его дружков в тот день. А я, знаешь ли, дерусь будь здоров.

Он сжал худую руку Чжао-гэра, которая казалась такой хрупкой, словно её можно было сломать одним движением.

— Таких, как ты, я одним ударом могу десятерых уложить. И это не преувеличение, не хвастовство.

Чжао-гэру, кажется, действительно придало храбрости медвежье сердце.

— Но в тот день ты сказал старосте, что не бьёшь женщин и гэров.

«Так вот почему ты такой дерзкий?»

Фан Цзычэнь на миг запнулся, а потом с напускной развязностью заявил:

— Ох, потому-то вы, женщины и гэры, такие наивные. Мужские слова — что лживые призраки. Кто верит, тот в дураках и остаётся.

Чжао-гэр, казалось, питал к нему какое-то упрямое доверие и не поверил его словам, но всё же спросил:

— Так ты действительно меня ударишь?

Фан Цзычэнь, не желая продолжать этот разговор, просто шлёпнул его по ягодицам. «Па!» — раздался на удивление громкий звук.

— Чего застыл? — прикрикнул он. — А ну, за работу, иначе посмотришь, как я тебя отделаю. Совсем от рук отбился.

— ...

Лицо Чжао-гэра мгновенно залилось краской, казалось, с макушки вот-вот повалит дым. Всё его тело пылало. Он резко отвернулся и быстрым шагом направился в другую сторону.

Фан Цзычэнь решил, что тот испугался, и внутренне возликовал.

«Вчера Чжао-гэр при виде меня весь сжимался от волнения, а прошёл всего день — и он уже бросается в меня грязью. Что дальше? Нож в спину? Я, Фан Цзычэнь, не какая-нибудь тряпка»

Когда его неожиданно ударили во время спасения Чжао-гэра, он хотел тут же дать сдачи. Но, увидев, что это женщина, сдержался. Он и вправду не трогал стариков, слабых, больных, женщин и гэров, но пригрозить-то мог.

Он прибыл из современного мира. Хотя у него и не было чётких планов на будущее, он не собирался ограничивать Чжао-гэра, заставляя его отчитываться о каждом шаге. Люди рождены свободными, и брак не должен становиться тюрьмой. В союзе, где один партнёр сильный, а другой — мягкий и уступчивый, царит гармония. Если же оба сильные, то ссоры неизбежны, и недалеко до больницы.

В Чжао-гэре проклёвывались ростки будущей мегеры, и потакать этому было нельзя. Нужно пресечь на корню, иначе потом, когда его нельзя будет ни ударить, ни приструнить, как с ним жить?

Собрав выкопанную ранее сладкую картошку, Фан Цзычэнь направился к Чжао-гэру. Гуай-цзай, обманутый им, уже спал под деревом.

Фан Цзычэнь встал за спиной супруга и, увидев его покрасневшую от солнца шею, по которой струился пот, невольно замер.

Тот был действительно очень худым и маленьким. Не совсем подходящая по размеру одежда висела на нём мешком, а теперь, пропитавшись потом, прилипла к его спине, подчёркивая выпирающие позвонки. Он стоял, слегка наклонившись вперёд, и при каждом движении его лопатки, словно крылья бабочки, становились ещё заметнее.

В тот день, когда семья Ма устроила скандал, староста Хэ Чжи рассказал ему о прошлом Чжао-гэра.

В семь лет его продали в семью Ма в качестве туньянфу для Ма Тао, второго сына Ма Дачжуана. Ма Тао родился слабоумным, и предполагалось, что Чжао-гэр, повзрослев, выйдет

за него и будет о нём заботиться. Но в десять лет мальчик утонул.

В то время семья Ма жила неплохо, но содержать лишний рот они не хотели. Собирались снова его продать, но Ма Вэнь, старший сын, заявил, что Чжао-гэр ему нравится, и наотрез отказался позволить это.

Ма Вэнь был первенцем. Судя по именам братьев, которые разительно отличались от деревенских кличек вроде «Гоуцзы» или «Даху», Ма Дачжуан очень любил своих сыновей. Раз старший воспротивился, отцу пришлось уступить.

Однако с давних пор богатые не брали в жёны гэров. Семья Ма не была по-настоящему знатной, но пыталась подражать элите, объявляя всем, что Чжао-гэр — всего лишь наложник Ма Вэня.

Наложник в бедной семье ничем не отличался от раба. Семья Ма, будучи по натуре злой, обращалась с ним как со скотиной, постоянно избивая и ругая. Все в деревне это видели, но никто не мог сказать, что они хорошо к нему относились.

Староста, рассказывая это, не мог сдержать вздоха. Он сказал, что Чжао-гэр невероятно терпелив. Любой другой на его месте давно бы бросился в реку.

И это правда. Любой, кого двенадцать лет подвергают насилию, давно бы сломался. Ежедневно терпеть бесконечные побои и ругань — кто бы захотел так жить?

Староста вздыхал, а Фан Цзычэнь, выросший в достатке, не мог даже представить себе такой жизни. Люди, пережившие длительное насилие, обычно становятся забитыми, замкнутыми, боятся окружающих или впадают в безумие. Некоторые становятся заторможенными или вовсе теряют рассудок. Но он чувствовал, что Чжао-гэр — стойкий, словно лиана, растущая в тёмном колодце. Она не боится тьмы, и ей достаточно одного лучика света, чтобы устремиться к солнцу.

Характер у супруга был всё-таки неплохой, иначе Фан Цзычэнь всерьёз опасался бы, что однажды ночью тот пырнёт его ножом.

Он не отводил взгляда, и Чжао-гэр это заметил. Он необъяснимо встревожился, и мотыга в его руках стала двигаться не так проворно. В шестой раз едва не ударив себя по ноге, он не выдержал и спросил:

— Ты... на что ты смотришь?

— На твою красоту, — не задумываясь, выпалил Фан Цзычэнь.

Губы Чжао-гэра сжались. Он хотел было сказать, что лицо у него не на спине, но Фан Цзычэнь

уже опомнился и снова начал нести чепуху:

— Каким это глазом ты увидел, что я на тебя смотрю?

И тут же добавил:

— Задницей, что ли?

— ...

«И это — молодой господин из богатой семьи? Откуда столько пошлости? Даже деревенские мужики до такого не опускаются»

Чжао-гэр почувствовал, будто его уши пронзили иглой. Фан Цзычэнь, видя его молчание, усмехнулся. Тихо, сдавленно, но очень приятно.

Чжао-гэр был таким невинным. Всего одна пошлая фраза — и вот он уже в ступоре.

Около четырёх часов пополудни наконец пришла тётушка Хэ с корзиной за спиной. Издалека она увидела на своём поле двух человек. Один, знакомый ей Чжао-гэр, усердно копал землю. Другой же просто прогуливался — это был Фан Цзычэнь.

История этих двоих уже несколько дней была главной темой для разговоров в деревне. Староста Хэ Чжи и тётушка Хэ были братом и сестрой, а спасителя их отца Хэ Ин знала в лицо.

К тому же, Фан Цзычэнь с его короткими волосами был слишком заметен. Тётушка Хэ с улыбкой подошла к ним.

— Паренёк Фан, и ты здесь! Ай-яй, какой ты заботливый.

Раньше ей не удалось с ним поговорить. Тогда она лишь мельком взглянула на него и поспешила за лекарем. Теперь, вблизи, он выглядел просто ослепительно: белая кожа, высокая переносица, мужественные черты лица.

«Боже, да во всей округе не найти такого красавца! Кожа белее, чем у моей Хэ Сяюй, которая из дома не выходит»

Фан Цзычэнь, подбрасывая в руке сладкую картофелину, поздоровался:

— Тётушка Хэ.

— Ох! — радостно откликнулась та и, повернувшись, увидела маленькую корзинку, наполненную битыми клубнями. Улыбка застыла на её лице.

— ...Чжао-гэр, — она уже хотела было выругаться, но почувствовала на себе чей-то взгляд — мрачный и жестокий, словно лев, затаившийся в траве и выслеживающий жертву. Это был взгляд самой смерти. Она медленно подняла голову и встретилась с пронзительным взглядом Фан Цзычэня.

— ...Паренёк... Фан?

Юноша молчал. Атмосфера стала гнетущей. Чжао-гэр подошёл к нему и незаметно потянул за край одежды.

— Это я случайно испортил, — сказал Фан Цзычэнь, и его лицо снова озарилось дружелюбной улыбкой. — Я раньше такой работой не занимался. Простите.

У тётушки Хэ всё ещё покалывало кожу на затылке. Глядя на его мягкую улыбку, она решила, что ей всё почудилось.

— Ничего... ничего страшного. Всего несколько картофелин.

Через некоторое время пришли муж и сын тётушки Хэ. Коротко поздоровавшись, они принялись собирать картошку, которую Фан Цзычэнь уже сложил в кучи.

Когда они ушли, Чжао-гэр тихо сказал:

— Дядя Хэ и его сын, кажется, немного тебя боятся.

Фан Цзычэнь пожал плечами.

— А ты меня не боишься?

— Я... я нет.

Фан Цзычэнь всё ещё помнил утренний инцидент.

— О! Ну да, конечно. Ты же в меня камнями смеешь бросаться.

— ...

«Это был не камень!»

— Отец, папа, — Гуай-цзай, потирая глаза, подошёл к ним. Его волосы торчали во все стороны, и он шатался, словно выпил два литра водки. Увидев женщину на краю поля, он позвал: — Бабушка Хэ.

Чжао-гэр присел перед ним.

— Всё ещё сонный?

Раньше Гуай-цзай никогда не спал днём. В доме Ма Чжао-гэр был занят с утра до ночи, и ребёнок всегда следовал за ним, терпя жару и укусы насекомых.

Поначалу тот пытался запирать сына в сарае, но однажды, пока он был в поле, к нему прибежали соседи: «Твоего сына Ма Дачжуан в бочку с водой окунул!».

Чжао-гэр тогда чуть с ума не сошёл. Он увидел своего ребёнка бледным и мокрым на земле. Тот ужас он не хотел бы пережить никогда.

Оказалось, Гуай-цзай просто захотел пить и пошёл на кухню, но упал и заплакал. Ма Дачжуан, раздражённый шумом, схватил его за воротник и сунул головой в воду: «Пей! Я сказал, пей!».

Если бы не вмешательство соседа, всё могло закончиться трагедией. С тех пор Чжао-гэр всегда брал сына с собой. Мальчик был очень послушным и редко отдыхал, так что сегодняшний дневной сон был для него в новинку.

— Голова кружится, — пролепетал Гуай-цзай. — У меня даже два папы в глазах.

Чжао-гэр потрогал его лоб.

— Пойдём, умоешься, и всё пройдёт.

И правда, после воды Гуай-цзай взбодрился и принялся бегать по полю, пытаясь всем помочь. Тётушка Хэ хвалила его, надеясь завязать разговор с Фан Цзычэнем, но тот её игнорировал.

«Странно... Хэ Си говорил, что он хорошо относится к ребёнку»

Фан Цзычэнь тем временем тихо расспрашивал супруга:

— Она и раньше платила тебе всего три вэня?

— Угу, — так же тихо ответил Чжао-гэр. — Тётушка Хэ добрая, она видела, что мне тяжело, и решила помочь. А так они и сами бы справились.

Фан Цзычэнь скривил губы.

«Какая уж тут доброта. Это просто эксплуатация»

Он знал, что за день работы в деревне платят минимум девятнадцать вэней с обедом. Если бы тётушка Хэ действительно хотела помочь, она бы дала хотя бы восемь-десять вэней. А три вэня — это цена одного яйца.

Деревня Сяохэ была бедной, но семья тётушки Хэ считалась зажиточной. Её сыновья зарабатывали в порту по двадцать пять вэней в день. И при этом они не могли заплатить честную цену за тяжёлый труд?

«Вот же черствая старуха»

<http://bllate.org/book/15357/1416002>